

АНДРЕЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ КУНИЛЬСКИЙ
 доктор филологических наук, профессор кафедры классической филологии, русской литературы и журналистики Института филологии, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
aek31@mail.ru

ВИТАЛИЗМ АПОЛЛОНА ГРИГОРЬЕВА И ДОСТОЕВСКОГО

Цель статьи – проанализировать весь спектр значений концепта «жизнь» в критических и художественных текстах А. А. Григорьева в связи с влиянием на него философии Шеллинга, показать его особую роль в распространении в русской культуре выражения «живая жизнь». Почвенники, и в их числе Григорьев, впервые характеризуются как «виталистская партия» (от *vita* – жизнь) в отечественной словесности, то есть объединение людей, в концепциях и произведениях которых концепт «жизнь» имеет основополагающее значение. Отмечается, что хотя почвенники были наследниками славянофилов, но у них слово «жизнь» лишено той этической однозначности, какой оно отличалось у А. С. Хомякова или К. С. Аксакова. Указывается на связь понятий «жизнь» и «почва», которые объединяет и то, что оба понятия отличаются определенной амбивалентностью. В первую очередь, такой взгляд характерен именно для Аполлона Григорьева. Эволюция понятия «живая жизнь» прослеживается на примере творчества Ф. М. Достоевского, в повести которого «Записки из подполья» в 1864 году это выражение было впервые использовано и потом неоднократно употреблялось в произведениях писателя. Повесть рассматривается как своеобразное продолжение поэмы Ап. Григорьева «Вверх по Волге». Но у Достоевского в тезаурус понятия «живая жизнь» входят смысловые элементы, которые не акцентировались Григорьевым. Это гармоничная (не амбивалентная) любовь и прощение. Данное обстоятельство объясняется тем, что понятие «жизнь» восходит у Григорьева и Достоевского к разным библейским архетипам (Ева и Христос). Приведенные выводы делаются впервые, чем обусловлена новизна и актуальность работы. Указывается на необходимость специальной разработки проблемы использования концептов «жизнь» и «живая жизнь» у Достоевского. Ключевые слова: русская литература второй половины XIX века, критика А. А. Григорьева, творчество Ф. М. Достоевского, тема жизни, витализм, «живая жизнь»

Изучение того, какое значение и какую роль имело понятие «жизнь» в русской культуре, является назревшей научной проблемой. Об этом свидетельствуют появившиеся в последние годы исследования [2], [3], [4], [5], [7], [9], [10], [11], [12], [13], [14], [15].

Совершенно особое отношение к понятию «жизнь» характерно для представителей такого течения в русской литературе, как почвенчество: А. А. Григорьева, Н. Н. Страхова, Ф. М. Достоевского. Подобно тому, как они, в лице Страхова, признали себя в конце концов «пушкинскою» партией¹, можно было бы считать их и «виталистской партией» (от *vita* – жизни) в отечественной словесности, то есть объединением людей, в концепциях и произведениях которых концепт «жизнь» имеет основополагающее значение. И первым здесь, конечно же, должен быть назван Аполлон Григорьев. Он, пожалуй, сильнее всех в России проникся «шеллингианским культом жизни» [16: 452] и по-русски выразил свои философские взгляды в собственной судьбе. Героя его беллетристических произведений, имеющих явную автобиографическую основу, зовут Виталин (*vitalis* – жизненный) («Мое знакомство с Виталиным», «Офелия. Одно из воспоминаний Виталина»²), что воспринимается как своеобразный псевдоним Григорьева.

Образ Жизни, возникающий в текстах Григорьева, является наиболее поэтичным и завораживающим. Его чем-то напоминает образ Океана в фильме А. Тарковского «Солярис» (у Григорьева: «этот кипящий океан жизни» – «нечто даже ироническое, а вместе с тем полное любви в своей глубокой иронии, изводящее из себя миры за мирами...»³).

По Григорьеву, Шеллинг

в последней формации своей единственно мирохватывающей системы остановился в немом благоговении перед безграничною бездною жизни, порешивши логический гегелизм тоже простым положением, что потенция, заключенная в пределах человеческого черепа, конечно, односущественна с потенцией, разлитою в безграничном, но не адекватна <...> ей в проявлениях, ибо правильные сами по себе выводы потенции при столкновении с веяниями вечной жизни подвергаются совершенно неожиданным видоизменениям, подвергаются действию иронии любви безграничной жизни...⁴

Поэт и критик потому и предпочитал Шеллинга Гегелю, что «шеллингизм (старый и новый, он ведь все – один) проникал меня глубже и глубже – бессистемный и беспредельный, ибо он – жизнь, а не теория»⁵. Вспоминая о том, как он читал «Феноменологию духа» Гегеля, Григорьев признается в своей неспособности со- средоточиться на «“психологических очерках”

немецкого “хера профессора”, потому что «<...> жаждно начинает душа просить жизни, жизни и все жизни...»⁶.

Для меня «жизнь», – писал Григорьев, – есть действительно нечто таинственное, т. е. потому таинственное, что она есть нечто неисчерпаемое; «бездна, поглощающая всякий конечный разум», по выражению одной старой мистической книги – необъятная ширь, в которой не редко исчезает, как волна в океане, логический вывод какой бы то ни было умной головы <...>⁷.

Но для Ап. Григорьева жизнь это не только тайна и бездна, то есть что-то бесформенное, стихийное и непознаваемое. У него, как и у Ницше затем, происходит очеловечение этого понятия, жизнь становится богом, идолом, в который можно верить, влюбляться, которому можно поклоняться. Себя он относит к людям, «<...> верующим в жизнь, философию, искусство и национальность <...>» (2: 305). Заметим, что среди перечисленных объектов веры Бог отсутствует. И к Христу, как мы понимаем, по крайней мере какое-то время, отношение было отрицательным. Как говорится в стихотворении, написанном в его «масонский» период: «Тщетно на распятье обращен мой взор, На устах проклятье, на душе укор» (С тайною тоскою... 1846?) (1: 77). В такой ситуации утраты религиозной веры Жизнь превращается в бога или, скорее, богиню:

Кого любить? Кому верить? Жизнь любить – и в жизнь одну верить, подслушивать биение ее пульса в мыслях, внимать голосам ее в сознаниях искусства и религиозно радоваться, когда она приподнимает свои покровы, разоблачает свои новые тайны и разрушает наши старые теории... (2: 222).

Совершенно неслучайно именно Аполлон Григорьев популяризировал выражение «живая жизнь» в начале 60-х годов. Его использовали в русской литературе уже с конца 20-х годов (Н. Языков, Н. Гоголь, К. Аксаков, И. Аксаков, Ю. Самарин, В. Одоевский, А. Герцен), но не так часто, подчас в переписке. А Ап. Григорьев упоминает «живую жизнь» чуть ли не в каждой из своих статей, которые он публикует в 1861 году в журнале братьев Достоевских «Время». Журнал стал органом нового течения, получившего название почвенничества. Почвенники были наследниками славянофилов, но у них слово «жизнь» лишено той этической однозначности, какой оно отличалось у А. Хомякова или К. Аксакова. «Жизнь» и «почва» – это неразлучные понятия, и оба отличаются определенной амбивалентностью. По крайней мере – у Ап. Григорьева.

Русское слово «почва» является переводом немецкого Grund (почва, грунт; дно; фон; основание, причина). В философии Шеллинга, как объяснял в XIX веке Н. Н. Ланге, так обозначается некая «основа бытия», некоторая «природа в Боге». «Будучи волею к жизни, она внушает и человеку личную любовь к жизни и к инди-

видуальному самосохранению во что бы то ни стало, а следовательно, и сопротивление мировой гармонии». В то же время «“Grund” – это не просто темная основа бытия, это еще и влечеие, которое побуждает вечно Единое, т. е. Бога, порождать само себя. Это “основа” – не есть Единое, Бог, однако она так же вечна, как Единое» [16: 159–161]. Для Ап. Григорьева очень важна была эта присущая почве, а вместе с ней и жизни причастность Богу и одновременно сопротивляющаяся Ему сила, обеспечивающая развитие и побуждающая Бога снова и снова порождать самого себя. Как ничто другое этому комплексу представлений соответствовало выражение «живая жизнь».

В № 2 журнала «Время» за 1861 год публикуется статья Ап. Григорьева «Народность и литература». Автор выступает в ней против отвлеченности, теоретичности взглядов у представителей двух основных направлений в современной ему отечественной культуре – западников и славянофилов. «Западничество с готовыми мерками, со взятыми напрокат данными приступило к живой жизни». Но и славянофилы, «<...> отвечая на теорию западничества, постоянно завлекались тоже в теорию, которая, в сущности, как и всякая теория, мало уважала живую жизнь»⁸. Обратим внимание на то, что Ап. Григорьев для критики славянофилов использует выражение, которое во многом именно благодаря им обрело право гражданства в русской литературе. Теперь же они обвиняются в недостаточном уважении к «живой жизни».

Для Ап. Григорьева одним из проявлений «живой жизни» является искусство, поэтому ему противопоказан дидактизм. Хотя Л. Мей был его приятелем, но о его драме «Псковитянка» критик тем не менее написал: «Перед вами нет живых лиц и живой жизни: вместо них фигуры с ярлыками на лбу»⁹ (Явления современной литературы, пропущенные нашей критикой. П. «Псковитянка», драма Л. Мея. 1861).

«Теории» Ап. Григорьев предпочитает «идей-ал» как не противоречащий «живой жизни»:

Когда идеал лежит в душе человеческой, признается за нечто вечное, неизменное, всегда и во все времена ей одинаково присущее – он не требует никакой ломки фактов живой жизни; он ко всему равнодушен и все равно судит¹⁰ (Белинский и отрицательный взгляд в литературе // Время. 1861. № 4. Апрель).

В статье «Оппозиция застоя: Черты из истории мракобесия» (Время. 1861. № 5. Май) Ап. Григорьев касается вопроса об отношениях между религией и светской культурой. Он критикует тех журналистов (прежде всего из таких изданий, как «Домашняя беседа» и «Маяк»), которые о театральных и литературных произведениях судят с жестких позиций и обвиняют их авторов в антихристианстве. Ап. Григорьев сравнивает борьбу с театром у представителей раннего

христианства и современных ему ревнителей благочестия: «Одним словом, это была борьба духа с плотью, с мертвою, отжившею и извращенною буквою, тогда как у наших мраколюбцев, стало это – борьбою мертвой буквы против живой жизни». Ограниченней, пурристской позиции «Маяка» («<...> он, чем дальше шел, тем больше и больше расходился с живою жизнью»¹¹) в статье противопоставляется направление славянофильского «Москвитянина»: «Оно верило в живую жизнь, и неслось по ее волнам, нередко с илом и тиною»¹². Заметим: мутные волны жизни – очень характерный для Григорьева образ.

Дважды выражение «живая жизнь» появляется у Ап. Григорьева в статьях, посвященных творчеству Л. Н. Толстого. В первом случае оно связывается с понятиями «род» и «община», которые были предметами дискуссий между западниками и славянофилами (оппоненты, так сказать, писали одно из этих слов на своих знаменах). Григорьев полагает, что споры не были бы столь горячими, «<...> если бы корнями своими эти “ученые” понятия не врастали в живую жизнь, не определяли бы так или иначе ее значение в прошедшем, настоящем и будущем»¹³ (Явления современной литературы, пропущенные нашей критикой. Граф Л. Толстой и его сочинения. 1862).

Высокое, светское происхождение писателя не закрывает для него возможности чувствовать и изображать «живую жизнь»:

«...» становится понятным, когда читаешь этюды Толстого («Детство», «Отрочество», «Юность». – А. К.), каким образом, несмотря на ту же исключительную сферу, натура Пушкина сохранила в себе живую струю народной, широкой и общей жизни, способность и понимать эту живую жизнь, и глубоко ей сочувствовать, и временами даже с нею отождествляться (2: 368–369) (Явления современной литературы, пропущенные нашей критикой. Граф Л. Толстой и его сочинения. Статья вторая // Время. 1862. № 9. Сентябрь).

В использовании Аполлоном Григорьевым понятия «живая жизнь» обращает на себя внимание отсутствие жесткой идеологической или социальной привязки. «Живая жизнь» проявляется и в быту, и в литературе, в народном бытии, и в существовании высших сословий, в спорах представителей противоположных идейных направлений, в христианской практике, и в сфере театральной. Единственное, что ей противопоказано, – это формализация, регламентация, теоретическое засушивание. В «живой жизни» всегда сохраняется элемент непредсказуемости, противоречивости, «соринки», подчеркивающий ее живой, а не искусственный характер. В стихах Ап. Григорьева дух жизни может быть назван «лукавым»:

Не отдавайся тайным мукам,
Когда лукавый жизни дух
Тебе то образом, то звуком
Волнует грудь и дразнит слух!

Не отдавайся... С ним опасно,
Непозволительно шутить...
Он сам живет и учит жить
Полно, широко, вольно, страстно!

25 января 1858 (1: 124)
(Импровизации странствующего
романтика. Больная птичка запертая...).

«Лукавый жизни дух» Ап. Григорьева, конечно же, это не совсем то, что «дух жизни» А. Хомякова, который заключает в себе начало христианской свободы и веры, но скрывается именно в «былом» или в «грядущих днях», а не здесь и не сейчас. Так, обращаясь к России, Хомяков восклицал:

О, вспомни свой удел высокой!
Былое в сердце воскреси
И в нем сокрытого глубоко
Ты духа жизни допроси!¹⁴

(«России», 1839).

Если сравнивать представление о «жизни» в приведенных текстах Григорьева и Хомякова, то можно сказать, что здесь сталкиваются два образа Жизни: ветхозаветный – Ева («жизнь») и новозаветный – Иисус Христос («Я есмь путь и истина и жизнь» (Ин. 14:6)). Как сказал бы Лев Толстой, это «плотское животное существование» и «жизнь, подчиненная своему закону разума и выражаящаяся в любви»¹⁵. Но Ап. Григорьев вряд ли согласился бы с Хомяковым и Толстым, посчитав их восприятие жизни очередной «теорией», в которой от жизни не остается ничего. Он не боялся соприкосновения с проявлениями плотской, грешной жизни и отвечал М. П. Погодину, который упрекал его в приверженности к «злачным» местам: «<...> из этих мест мы вышли с верою в жизнь, с чувством или лучше чутьем жизни, с неистощимою жаждою жизни» (2: 384)¹⁶. «Необходимость реабилитации “жизни” у Григорьева» [1: 24] проявляется в оправдании вольного обращения с законом в чиновничьей практике – и это в эпоху «обличительной» литературы! Вернее, новому, ученному поколению канцеляристов-теоретиков он противопоставляет простое, старое, более близкое к жизни: «<...> чиновники эксплуатируют жизнь ради абстрактного и темного для нас, точно так же как и для всех, божества, называемого законом, а подъячие эксплуатируют темный для всех, но не для них закон в пользу живой жизни...»¹⁷. Однако говорить в связи с этим о «моральной двусмыслиности» у Григорьева было бы столь же неверно, как и в случае с Достоевским [17].

Образ «живой жизни» из статей Ап. Григорьева 1861–1862 годов перекочевал в его стихи. В поэме «Вверх по Волге» (1862) автор, описав страстное свидание с возлюбленной, спрашивает своего учителя М. П. Погодина, может ли тот дать этому название (отрицательный ответ очевиден):

Ведь это не вопрос норманской,
Не древность азбуки славянской,
Не княжеских усобиц ряд...
В живой крови скальпель потонет,
Живая жизнь под ним застонет,
А хартии твои молчат,
Неловко ль, ловко ль кто их тронет (1: 237).

(Вверх по Волге: Дневник без начала и без конца
(Из «Одиссеи о последнем романтике»). 1862).

Повесть Достоевского «Записки из подполья» (1864) была своеобразным продолжением поэмы Ап. Григорьева «Вверх по Волге». Неслучайно она вызвала одобрение критика. Позднее в письме к Н. Н. Страхову Достоевский вспоминал «слова Ап. Григорьева, похвалившего мои “Записки из подполья” и сказавшего мне тогда: “Ты в этом роде и пиши”»¹⁸. Видимо, Ап. Григорьев нашел здесь нечто близкое себе, своему представлению о жизни.

В обоих произведениях изображены отношения героя с падшей женщиной, заканчивающиеся разрывом. И в поэме, и в повести представлена амбивалентность страстей, владеющих человеком. Но у Достоевского, впервые в своей практике использовавшего здесь выражение «живая жизнь», в тезаурус данного понятия входят смысловые элементы, которые не акцентировались Григорьевым. Это гармоничная (не амбивалентная) любовь и прощение.

Герой «Записок из подполья» именно потому, что «от “живой жизни” отвык», представляет любовь лишь как борьбу, завоевание и не знает, «что делать с покоренным предметом». Любовь Лизы вызывает его на то, чтобы покончить с привычным для него одиночеством, к чему он не готов (интимофобия). «“Живая жизнь” с непривычки придавила меня до того, что даже дышать стало трудно» (V: 176). Кстати заметим: эта антропоморфность «живой жизни» (которая может «придавать» человека-партнера) снова позволяет говорить о связи между мировосприятиями Достоевского и Ап. Григорьева (у него «живая жизнь» стонет под скальпелем).

После того, как Лиза оставила его, герой не дает хода проявляющейся в нем жажде раскаяния. «Упасть перед ней, зарыдать от раскаяния, целовать ее ноги, молить о прощении! Я и хотел этого; вся грудь моя разрывалась на части <...>» (V: 177). Но «подпольный» не верит в прочность своего раскаяния, он дитя века сомнения и душевной перверсии и предпочитает рассуждать о возвышающей силе ненависти, а не любви: «оскорбление возвысит и очистит ее... ненавистью... гм... может и прощением» (V: 178). Реальная возможность полюбить и простить и быть прощенным пугает, потому что не вписывается в привычные для развитого человека XIX века представления о войне каждого против всех и о любви-ненависти, которая не сближает, а еще больше разделяет.

<...> Мы все отвыкли от жизни, все хромаем, всякий более или менее. Даже до того отвыкли, что чувствуем подчас к настоящей «живой жизни» какое-то омерзение, а потому и терпеть не можем, когда нам напоминают про нее. Ведь мы до того дошли, что настоящую «живую жизнь» чуть не считаем за труд, почти что за службу, и все мы про себя согласны, что по книжке лучше (V: 178)¹⁹.

Представляется, что это можно считать не только упреком оппонентам Достоевского из лагеря теоретиков-социалистов, но и своеобразным комментарием к истории отношений Аполлона Григорьева и М. Ф. Дубровской, отразившейся в поэме «Вверх по Волге».

Концепту «живая жизнь» было суждено большое будущее в дальнейшем творчестве Достоевского. При всем своеобразии его понимания писателем выражение это наследовало «григорьевскую» неоднозначность, препятствующую превращению в клише. Для того чтобы описать весь спектр значений понятия «живая жизнь» у Достоевского, потребуется специальная большая работа. Укажу здесь на несколько случаев, два из которых чаще всего фигурируют в работах о Достоевском, а остальные незаслуженно остаются без внимания. В романе «Подросток» Версилов говорит, что живая жизнь – это

<...> должно быть нечто ужасно простое, самое обыденное и в глаза бросающееся, ежедневное и ежеминутное, и до того простое, что мы никак не можем поверить, чтоб оно было так просто, и, естественно, проходим мимо вот уже многие тысячи лет, не замечая и не узнавая (XIII: 178).

В первой главе декабрьского выпуска «Дневника писателя» за 1876 год предлагается «окончательная формула» «живой жизни»: «Словом, идея о бессмертии – это сама жизнь, живая жизнь, ее окончательная формула и главный источник истины и правильного сознания для человечества» (XXIV: 49–50).

Как уже было сказано, приведенные два примера наиболее популярны у достоевсковедов. Но есть и другие, не менее интересные. В подготовительных материалах к роману «Подросток» появляется выражение «публика и ее живая жизнь», и эта «живая жизнь» в ценностном плане представляет собой нечто менее значительное, чем «настоящий героический тип», который собирается создать Достоевский (XVI: 7). Героический, он же «хищный», тип испытывает «страстную и неутомимую потребность наслаждения жизнью, живою жизнью <...>» (XVI: 39). Здесь же Васин говорит, «что живая жизнь (сила) вне центра» (XVI: 233), что заставляет вспомнить выступления виталиста Ап. Григорьева против «централизаторов»²⁰.

Это только некоторые случаи бытования концепта «живая жизнь» в текстах Достоевского, заслуживающие того, чтобы серьезно заняться их истолкованием и систематизацией – конечно же, подразумевающей некую смысловую свободу и неполную выразимость.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См.: Страхов Н. Н. Литературная критика. М.: Современник, 1984. С. 176.
- ² Григорьев Аполлон. Сочинения: В 2 т. М.: Худож. лит., 1990. Т. 1. В дальнейшем ссылки на это издание даются в круглых скобках с указанием тома и через двоеточие – страницы.
- ³ Григорьев А. А. Эстетика и критика. М., 1980. С. 139.
- ⁴ Там же. С. 162–163.
- ⁵ Григорьев Аполлон. Воспоминания. Л., 1980. С. 301.
- ⁶ Там же. С. 44–45.
- ⁷ Григорьев А. А. Эстетика и критика. С. 138–139.
- ⁸ Там же. С. 172.
- ⁹ Время. 1861. № 4. Апрель. Критическое обозрение. С. 26.
- ¹⁰ Григорьев А. А. Эстетика и критика. С. 271.
- ¹¹ Там же. С. 290.
- ¹² Там же. С. 286.
- ¹³ Время. 1862. № 1. Критическое обозрение. С. 19.
- ¹⁴ Хомяков А. С. Стихотворения и поэмы. Л.: Сов. писатель, 1969. С. 112.
- ¹⁵ См. его сочинение «О жизни»: Толстой Л. Н. Собр. соч.: В 22 т. М.: Худож. лит., 1984. Т. 17. С. 130.
- ¹⁶ См. об этом статью Б. Ф. Егорова [8: 198].
- ¹⁷ Воспоминания Аполлона Григорьева / Ред. и comment. Р. В. Иванова-Разумника. М.; Л.: Academia, 1930. С. 338.
- ¹⁸ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1986. Т. XXIX/1. С. 32. Далее ссылки на это издание даются в круглых скобках после цитаты с указанием тома римскими цифрами и через двоеточие – страниц арабскими.
- ¹⁹ Сравнивая Ницше и Достоевского, В. В. Дудкин пишет: «В «Записках из подполья» и в философии Ницше антиномия разума и бытия, интеллекта и жизни (у Достоевского – человеческой натуры) играет очень важную роль» [6: 59]. Представляется, что в данном произведении Достоевского именно концепт «жизнь» становится членом указанной оппозиции, и Ницше вполне мог здесь следовать за Достоевским.
- ²⁰ Григорьев А. А. Эстетика и критика. С. 271.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. А в д е е в а Л. Р. Русские мыслители: Ап. А. Григорьев, Н. Я. Данилевский, Н. Н. Страхов. Философская культурология второй половины XIX века. М.: Изд-во МГУ, 1992. 195 с.
2. А р х а н г е л с к а я Р. В. Проблема ценности жизни // Философия ценностей: Материалы российской конф. (Курган, 15–16 апреля 2004 г.). Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2004. Вып. 2. С. 106–108.
3. Б а р а н о в С. Т., З о л о т а р е в а Т. А. «Живая жизнь» Ф. М. Достоевского и «жизненный мир» Э. Гуссерля в плоскости дискурса повседневного сознания // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2017. № 10-1 (84). С. 21–24.
4. Б о г д а н о в а О. А. «Живая жизнь»: идеал женщины и проблема красоты в романе Ф. М. Достоевского «Подросток» // Знание. Понимание. Умение. М., 2008. № 4. С. 78–82.
5. Д р о ш н е в а Н. В. Два пути к одной цели: «жизнь» в западноевропейской и русской философской традиции XIX–XX веков // Философия и социальная теория: Сб. науч. трудов. М.: Полиграф-Информ, 2003. Вып. 1. С. 103–121.
6. Д у д к и н В. В. Достоевский – Ницше: (Проблема человека). Петрозаводск: Изд-во КГПИ, 1994. 153 с.
7. Е в л а м п и е в И. И. «Записки из подполья» Ф. Достоевского: «живая жизнь» против «мертвой жизни» // Соловьевские исследования. Иваново, 2011. № 3 (31). С. 25–46.
8. Е г о р о в Б. Ф. Аполлон Григорьев-критик. Ст. 1 // Ученые записки Тартуского государственного университета. 1960. Вып. 98. С. 194–246.
9. К у н и л ь с к и й А. Е. «Жизнь» в структуре романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» // Жанр и композиция литературного произведения: Межвуз. сб. Петрозаводск, 1981. С. 55–66.
10. К у н и л ь с к и й А. Е. Источники витализма в русской литературе первой половины XIX века // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2016. № 7-1 (160). С. 100–104.
11. К у н и л ь с к и й А. Е. Витализм в русской литературе первой половины XIX века // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2017. № 1 (162). С. 55–60.
12. К у с т о в с к а я М. А. Изучение художественной системы Ф. М. Достоевского сквозь призму концепции «живой жизни» // Антикризисный потенциал русской интеллектуальной культуры: Сб. науч. трудов / Научный редактор – проф. В. П. Океанский. Иваново: Шуя: Центр кризисологических исследований ГОУ ВПО «ШГПУ», 2011. С. 96–116.
13. К у с т о в с к а я М. А. Концепция «живой жизни» в творчестве Ф. М. Достоевского // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск, 2011. Т. 9. С. 169–179.
14. К у с т о в с к а я М. А. «Живая жизнь» в публицистике Достоевского // Достоевский и журнализм. СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. С. 268–279.
15. П е т р е н к о Д. И. «Живая жизнь»: тексты Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого в виталистическом осмыслиении В. В. Вересаева // Textus. Ставрополь, 2014. Т. 14. № 14 (14). С. 202–211.
16. Философия Шеллинга в России. СПб.: Изд-во Русского Христианского ин-та, 1998. 528 с.
17. D a v i d s o n R. M. Moral Ambiguity in Dostoevski // Slavic Review. 1968. Vol. XXVII. No 2. June. P. 313–316.

Kunil'skiy A. E., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

VITALISM OF APOLLON GRIGORIEV AND DOSTOEVSKY

The purpose of this article is to analyze the full range of meanings of the concept of “life” in the critical and literary texts by A. A. Grigoriev in connection with the influence of Schelling’s philosophy, to show his special role in the spread of the concept of “living life” in Russian culture. For the first time, Pochvenniki, including Grigoriev, are characterized in the article as a “vitalism party” (vita – life). In Russian literature this association refers to the people for whom the concept of “life” was essential. Though

Pochvenniki were the followers of Slavophiles they used the word “life” without its ethical unambiguity that was present in the works of Khomyakov and Konstantin Aksakov. The article points to the interconnection between the concepts of “life” and “pochva” (soil). In addition, both concepts are united by certain ambivalence (especially for Apollon Grigoriev). The evolution of the concept of “living life” occurs in the works of Dostoevsky. In the story “Notes from the Underground” (1864) the writer used this concept for the first time, later he repeatedly employed it in his works. This story is a “continuation” of Grigoriev’s poem “Upstream the Volga”. Dostoevsky in this thesaurus of the “living life” concept includes elements that are not emphasized by Grigoriev: harmonious (not ambivalent) love and forgiveness. This is because the concept of “life” in the works of Grigoriev and Dostoevsky goes back to different biblical archetypes (Eve and Christ). These conclusions are made for the first time, which conditions the novelty of the article and the relevance of the topic in focus.

Key words: Russian literature of the second half of the 19th century, Apollon Grigoriev, Dostoevsky, theme of life, vitalism, ‘living life’.

REFERENCES

1. Avdeyeva L. R. Russian Thinkers: Ap. A. Grigoriev, N. Ya. Danilevskiy, N. N. Strakhov. Philosophical Cultural Studies of the Second Half of the 19th Century. Moscow, 1992. 195 p. (In Russ.)
2. Arkhangelskaya R. V. Problem of the Value of Life in Philosophy of Life. *Philosophy of Values: Proc. Russian Conference. Kurgan, 15–16 April 2004*. Kurgan, 2004. Issue 2. P. 106–108. (In Russ.)
3. Baranov S. T., Zolotareva T. A. “Living Life” of F. M. Dostoevsky and “Life-World” of E. Husserl in the Plane of the Discourse of Everyday Consciousness. *Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*. Tambov, 2017. No 10-1 (84). P. 21–24. (In Russ.)
4. Bogdanova O. A. “Living Life”: the Ideal Woman and the Problem of Beauty in Dostoevsky’s Novel “A Raw Youth”. *Knowledge. Understanding. Skill*. Moscow, 2008. No 4. P. 78–82. (In Russ.)
5. Droshneva N. V. Two Paths to the Same Goal: “Life” in the Western and Russian Philosophical Traditions of the 19–20th Centuries. *Philosophy and Social Theory*. Moscow, 2003. Issue 1. P. 103–121. (In Russ.)
6. Dudkin V. V. Dostoevsky – Nietzsche: (Problem of Man). Petrozavodsk, 1994. 153 p. (In Russ.)
7. Evlampiev I. I. “Notes from Underground” by F. Dostoevsky: “Living Life” vs “Dead Life”. *Solov’evskie issledovaniya*. Ivanovo, 2011. No 3 (31). P. 25–46. (In Russ.)
8. Egorov B. F. Apollon Grigoriev-critic. *Uchenye zapiski Tartuskogo gosudarstvennogo universiteta*. 1960. Issue 98. P. 194–246. (In Russ.)
9. Kunil’skiy A. E. “Life” in the Structure of Dostoevsky’s Novel “Crime and Punishment”. *Zhanr i kompozitsiya literaturnogo proizvedeniya: Mezhvuz. sb.* Petrozavodsk, 1981. P. 55–66. (In Russ.)
10. Kunil’skiy A. E. Origins of “Vitalism” in Russian Literature of the First Half of the 19th Century. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2016. No 7-1 (160). P. 100–104. (In Russ.)
11. Kunil’skiy A. E. Vitalism in Russian Literature of the First Half of the 19th Century. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2017. No 1 (162). P. 55–60. (In Russ.)
12. Kustovskaya M. A. Study of the Art System of F. M. Dostoevsky through the Prism of Concept of “Living Life”. *Anti-crisis Potential of Russian Intellectual Culture*. Ivanovo, Shuya, 2011. P. 96–116. (In Russ.)
13. Kustovskaya M. A. Concept of “Living Life” in Dostoevsky. *Problems of Historical Poetics*. Petrozavodsk, 2011. Vol. 9. P. 169–179. (In Russ.)
14. Kustovskaya M. A. “Living Life” in Dostoevsky’s Journalism. *Dostoevsky and Journalism*. St. Petersburg, 2013. P. 268–279. (In Russ.)
15. Petrenko D. I. “Living Life”: the Texts of Dostoevsky and Tolstoy in Vitalistic Understanding of Veresaev. *Textus*. Stavropol, 2014. Vol. 14. No 14 (14). P. 202–211. (In Russ.)
16. Schelling’s Philosophy in Russia. St. Petersburg, 1998. 528 p. (In Russ.)
17. Davidson R. M. Moral Ambiguity in Dostoevsky. *Slavic Review*. 1968. Vol. XXVII. No 2. June. P. 313–316.

Поступила в редакцию 04.12.2017